

КОМПАРАТИВИСТИКА

Научная статья

УДК 82.091

doi: 10.17223/24099554/17/1

ПОЭТИКА ГВОЗДИКИ: СЛОВО И ОБРАЗ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ ОТ ТРЕДИАКОВСКОГО ДО БРОДСКОГО (В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ). ЧАСТЬ 1

Вера Сергеевна Полилова

*Институт мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия, vera.polilova@gmail.com*

Аннотация. Представлен очерк освоения слова «гвоздика» (‘цветок рода *Dianthus*’) языком русской поэзии. На фоне европейской традиции описаны и проанализированы варианты представления этого цветка в русских, главным образом стихотворных, текстах XVIII–XX вв., определен путь развития и расширения «гвоздичных» контекстов и ассоциаций. Первая часть включает развернутый экскурс-ретроспекцию в историю растения в культуре Европы и развенчивает несколько популярных заблуждений, связанных с его историей и названием.

Ключевые слова: гвоздика, *Dianthus*, историческая лексикология, слово, образ, символ в поэтическом языке, тропы, топика

Источник финансирования: Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-78-10132; Институт мировой культуры МГУ).

Благодарности: Автор выражает сердечную благодарность А.С. Белосовой, А.А. Добрицыну, А. Шеле, Н.В. Перцову и И.А. Пильщикову, прочитавшим эту статью в рукописи, высказавшим ценные замечания и указавшим на неточности, которые удалось исправить. Особая признательность – М.В. Ослону за советы, консультации и поддержку.

Для цитирования: Полилова В.С. Поэтика гвоздики: слово и образ в русской поэзии от Тредиаковского до Бродского (в контексте европейской традиции). Часть 1 // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 7–36. doi: 10.17223/24099554/17/1

Original article

doi: 10.17223/24099554/17/1

THE POETICS OF THE CARNATION: THE WORD AND THE IMAGE IN RUSSIAN POETRY FROM TREDIAKOVSKY TO BRODSKY (IN THE CONTEXT OF EUROPEAN TRADITION). PART ONE

Vera S. Polilova

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
vera.polilova@gmail.com*

Abstract. The research outlines the use of the word *gvozdika* (Eng. ‘carnation’, a species of *Dianthus*) in Russian poetry. The author takes the European tradition as a framework to describe and analyse diverse representations of the carnation in Russian, mainly poetic, texts of the 18th through 20th centuries, tracing the development and expansion of “carnation-driven” contexts and associations. Part One opens with a retrospective insight into the history of the carnation in European culture, debunking several popular misconceptions, related to the flower’s history and name, which had been uncritically repeated over many decades. The ubiquity of wild carnations has contributed to the belief that, like the rose and the lily, the carnation has a two-thousand-year cultural history. Thus, it might be assumed that the carnation’s beauty and spicy aroma should have set it apart from other flowers, so that it might gradually acquire various symbolic meanings. Indeed, researchers and writers have often noted the ancient symbolism of the carnation. Moreover, both popular and academic writings place the carnation in the limited and well-defined set of plants cultivated in Antiquity. The research into the historical significance of the carnation shows that its oft-postulated antiquity is nothing but wishful thinking: the cultural history of the carnation as well as its symbolic meanings cannot be traced back as a single process from Antiquity to the Present. Until the 14th century, the carnation was referred to by many different names; its literary and symbolic genealogy can only be traced back to the 15th or 16th century, i.e. when it was introduced into horticulture and when stable designations for it appeared in the new European languages. Our analysis draws on comparative material from Spanish, Italian, French, German, and English poetry (poems by Luis de Góngora y Argote, Francisco de Quevedo, Joachim du Bellay, Rémy Belleau, Pierre de Ronsard, and others) and employs numerous multilingual sources to shed light on the history of the carnation in European languages and literatures. In addition, we briefly trace the horticultural history of the carnation in Russia. The garden carnation, or the clove pink, has been

known in Russia at least since the 17th century. It was among the plants bought in Holland by the Flower Office of Peter the Great. In the 18th century, the carnation was already widespread in Russian gardens: numerous detailed articles about the carnation, its varieties and cultivations are found in botanical directories and various indexes of the late 18th century. The Alphabetical Catalogue of Plants <...> in Moscow in the Garden of the Active State Councillor Prokofy Demidov, published in 1786, lists 52 varieties of the carnation. Yet, however popular the carnation was in everyday life, it rarely appeared in Russian literature of the 17th and 18th centuries.

Keywords: carnation, *Dianthus*, historical lexicology, word, image, symbol in poetic language, tropes, topics

Financial Support: The research is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-10132; Institute of World Culture, Moscow State University.

Acknowledgments: The author would like to express her deep gratitude to A.S. Belousova, A.A. Dobritsyn, A. Shele, N.V. Pertsov and I.A. Pilshchikov, who read the manuscript for inaccuracies and made valuable suggestions. She would also like to thank M.V. Oslon for advice and assistance.

For citation: Polilova, V.S. (2022) The Poetics of the Carnation: The Word and the Image in Russian Poetry From Trediakovsky to Brodsky (In the Context of European Tradition). Part One. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 17. pp. 7–36. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/17/1

Как зарождается и развивается символика
цветов, без которой не обошлась ни одна
народная или художественная поэзия?

А.Н. Веселовский. Из поэтики розы

Введение

Напрасно твоя коса
золотом мреет,
розою щеки млеют
и забыла гвоздика свои лепестки
на выгибе девьих уст, –
гибель,
костный хруст <...>
(«Святой Георгий», 1917 [1. С. 431])

В лирическом автопортрете царевны, героини «кантаты» Михаила Кузмина, три похожих метафоры следуют друг за другом: золото кос, розы щек и гвоздики (точнее гвоздичные лепестки) уст. Сравнения упрятаны в конструкции с глаголом и творительным падежом (коса *мреет золотом*, щеки *млеют розою*) и в развернутую, также несущую в себе глагол фигуру олицетворения (*гвоздика забыла свои лепестки на выгибе уст*). Связь между первыми четырьмя строками этого фрагмента дополнительно поддерживается аллитерацией свистящих и сонорных звуков (*н-пр-сн-тв-к-с / з-л-т-м-м-р-т / р-з-щ-к-мл-т / з-л-гв-зд-к-св-л-п-стк*) и паронимией на клаузуле (*мреет – млеют*): так в тексте оживляются и индивидуализируются условные и, казалось бы, в равной степени традиционные (имеющие в том числе и фольклорное распространение) поэтизмы или даже штампы. Однако с точки зрения истории поэтического языка их стереотипность неодинакова: если в случае *золотых кос* и *ланирных роз* мы действительно имеем дело со стандартной поэтической фразеологией, бывшей в ходу уже у Державина, Карамзина, Батюшкова, Пушкина и Дельвига, то метафора губ-гвоздик вошла в русскую лирику лишь в XX в.¹ Предлагаемый очерк, представляющий собой развернутое обоснование этого утверждения, описывает путь становления гвоздики в роли русского поэтического растения. Иначе говоря, его тема – «акклиматизация» этого цветка в русской поэзии, как по бо-

---

¹ Традиция сравнений и метафор, где цветку (прежде всего, розе) уподобляются отдельные внешние черты героини, части ее тела или она вся, можно проследить от Античности и библейской древности. См.: «Я нарцисс Саронский, лилия долин! Что лилия между тернами, то возлюбленная моя между девицами» (Песн. 2:1,2); «Девушка с розами, роза сама ты. Скажи, чем торгуешь: / Розами или собой? Или и тем и другим?» (Anth. Gr. 5.81.1) (Дионисий Софист, I–II вв. н.э. «Продавщице роз». Пер. Л. Блуменау [2. С. 240]); «Прелесть ее тела превосходила великолепие луговых цветов. Лицо ее было цвета нарциссов, розы цвели на ее ланитах, фиалковым цветом мерцали ее глаза, а кудри вились пышнее, чем плющ. Все цветы цвели на луге ее лица» (1, XIX); «Так пела Левкиппа, мне же казалось, что ее уста подобны розе, словно кто-то придал чашечке цветка очертания губ» (2, I); «Когда из очей струится соленая влага, то белки становятся светлее, а зрачки багровеют, так что уподобляются фиалке и нарциссу» (6, VII) (Ахилл Татий, II в. н.э. «Левкиппа и Клитофонт». Пер. В.Н. Чемберджи [3. С. 38, 39, 123]). О розе, а также розе и лилии в русской поэзии пушкинской эпохи см.: [4; 5; 6. С. 79–80. Прим. 3], о фольклорных значениях розы: [7].

таническому образцу назвал процесс освоения растительных образов в русской литературной культуре А.Ф. Белоусов, писавший о поэтической сирени [8]¹.

Меня интересует гвоздика в поэтических текстах в буквальном значении (элемент пейзажа, деталь обстановки), но более – в фигуральном, метафорическом (конкретном, как у Кузмина, и абстрактном в качестве знака определенной темы или эмоции). Вопрос переживания цветка в революционный, а позднее – военно-траурный символ я оставила за рамками этого разбора.

1. Гвоздика в языке, быте и европейской поэзии XV–XVIII вв.

1.1. Поиски античной гвоздики, старые ботаники и Карл Линней

Повсеместная распространенность диких гвоздик способствует убеждению, что, подобно розе и лилии, этот цветок имеет тысячелетнюю культурную историю. Цветы-гвоздики (лат. *Dianthus*) – очень разнообразная группа, включающая около трехсот видов растений, подавляющее большинство из которых встречаются в умеренной зоне Евразии, не менее ста – в Европе (главным образом в Средиземноморье), а более семидесяти являются европейскими эндемиками. Прimitивные представители рода, по оценкам ботаников, появились уже 1,9–7 млн или 1,2–3,4 млн лет назад [10], и Европа была одним из центров их распространения. Кажется, красота и характерная сила аромата должны были давно выделить гвоздику из круга прочих цветов и обеспечить постепенную аккумуляцию вокруг нее разнообразных символических значений. Исследователи и бытописатели действительно часто отмечали и отмечают древний символизм гвоздики, более того, в популярных и даже специальных

---

¹ В частотно-тематический указатель основных пейзажных образов русской поэзии XVIII–XX вв. из монографии М.Н. Эпштейна ««Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии» гвоздика не вошла. В него включены роза (опережающая все другие цветы по популярности в несколько раз), лилия, мак, астра, хризантема, лотос, ландыш, фиалка, незабудка, сирень, черемуха и даже канны [9. С. 294].

сочинениях ее с уверенностью включают в тот небольшой круг растений, что были окультурены еще в Античности.

Разыскания в области исторического значения гвоздики тем не менее показывают, что в многочисленных работах желаемое выдается за действительное: в отличие от розы (а также лилии, нарцисса, мирта, лавра и некоторых других растений) культурную историю гвоздики и, соответственно, накопление смыслов, с ней связанных, невозможно проследить как единый процесс от Античности до наших дней. Гвоздика носила вплоть до XIV в. самые разнообразные имена, и ее литературную и символическую генеалогию можно вести лишь с XV–XVI вв. – момента ее действительного введения в садовую культуру и установления в новоевропейских языках устойчивых обозначений (см. раздел 1.2).

В большинстве новейших описаний под влиянием номенклатуры К. Линнея (он дал роду принятое сегодня латинское наименование *Dianthus*; подробнее см. ниже) в качестве гвоздики античного мира называется цветок $\Delta\iota\delta\varsigma \acute{\alpha}\nu\theta\omicron\varsigma$ ('цветок Зевса', 'божественный цветок') и его латинский аналог *Flos Jovis* ('цветок Юпитера'). Сочетание $\Delta\iota\delta\varsigma \acute{\alpha}\nu\theta\omicron\varsigma$ известно из «Исследования о растениях» Теофраста (ок. 300 г. до н. э; *Περὶ φυτ. ἰστορ.* VI.1.1; VI.6.2; VI.6.11; VI.8.3¹), где обозначает, как подсказывает контекст, цветущее летнее растение, употреблявшееся для плетения венков и не имевшее запаха. Также из описания, данного древнегреческим ботаником, известно, что «цветок Зевса» сажали семенами, а не черенками. Эта конкретная деталь позволяет некоторым авторам сделать вывод о том, что уже древние греки культивировали гвоздику. В «Естественной истории» Плиний Старший дает сходное с Теофрастовым описание цветка под названием *Flos Jovis* (*Hist. nat.* XXI.33; XXI.39). Оно, как мотивированно предполагается, не является самостоятельным свидетельством: общая характеристика и название растения были заимствованы латинским энциклопедистом у Теофраста, текст которого и являлся, вероятнее всего, единственным источником соответствующих пассажей [12. S.v. *Iovis flos*].

Скупая характеристика, обнаруживаемая у Теофраста и Плиния, затруднительна для однозначного соотнесения фитонимов $\Delta\iota\delta\varsigma$

---

¹ Русский перевод см. в [11. С. 191, 203, 205, 208].

ἄνθος и Flos Jovis с каким бы то ни было конкретным растением или даже группой растений. Однако из гипотезы о том, что Теофраст, а за ним Плиний Старший писали именно о гвоздике, выводится представление о ее высоком положении в цветочной иерархии начиная с эпохи Античности: на исключительную важность в культуре древних якобы указывает само название – названный именем верховного бога цветок должен был особенно почитаться¹.

В сущности, даже если Теофраст, а за ним Плиний писали о гвоздике, а не о других летних цветах, судить об особой культурной роли цветка это все равно не позволяет. Обсуждаемые греческие и латинские сочетания практически не встречаются за пределами сочинений двух древних ученых, т.е. по всей видимости, являются ботаническими, а не общезыковыми или народными понятиями (это справедливо и для других слов-претендентов на роль античной гвоздики). В корпусе древнегреческих текстов Διὸς ἄνθος или διόσανθος мы находим только у Теофраста, Никандра Колофонского (II в. до н. э.; Nic. Fr. 74.59) [16. S. 545] и прямо цитирующего первого Афиня Навкратийского («Каталог венков» в «Пире мудрецов», II–III вв. н. э.). В эпической поэме Нонна Панополитанского «Деяния Диониса» V в. н. э. также обнаруживается сочетание Διὸς ἄνθος, но там оно обозначает магический цветок, способный вернуть человека к жизни, и ничто не указывает на то, что речь идет о конкретном растении, а не об абстрактном «божественном цветке» [17. P. 20].

Попытки связать «цветок Зевса» с определенными растениями предпринимались ботаниками Нового времени не единожды и, что характерно, приводили к разным результатам. Самый ранний из обнаруженных мной комментариев принадлежит итальянскому ботанику Луиджи Ангуиллара, который в XVI в. связывал Διὸς ἄνθος Теофраста не с гвоздикой (которую он называл *Garrophilli*, об ита-

---

¹ См., например: «Высокое положение, которое этот обширный род имел, по оценке греков и римлян, узнается из его номенклатуры. Люди древности называли его “божественный цветок” (*dianthus*), названием, которое он до сих пор сохраняет; у римлян он был известен как *Flos Jovis* или “Цветок Юпитера”; этот титул, по мнению некоторых, достался ему за его удивительную красоту; или, как говорят другие, за его выдающийся аромат» (курсив источника. – В.П.) [13. P. 142; 14. P. 64; 15. P. 7–11]. Здесь и далее перевод мой, если не указано иное.

льянских вариантах обозначения цветка см: [18. С. 25 и др.]), а с цветком, именуемым им *Balsamin* или *Fior d'Amore* [19. Р. 207–208], что предположительно соответствует современной недотроге бальзаминовой (лат. *Impatiens balsamina*) [20. Р. 335].

Из иллюстраций к «*Hortus Eystettensis*» (1613) немецкого ботаника Базилиуса Беслера и других источников ясно, что один из видов современного рода *Dianthus* в XVII в. носил имя *Armerius Pleno Rubro Flore*. Англичанин Джон Паркинсон, аптекарь Якова I и королевский ботаник при дворе Карла I, в сочинении «*Paradisi in Sole Paradisus Terrestris*» (1629) вообще дает целый список флоронимов из ботанических трактатов предшественников, указывающих, по его мнению, на гвоздику, а еще делает важное замечание об этом цветке в античные времена:

Разные другие имена давались им <гвоздикам> прежде, как *Vetonica*, или *Betonica altera*, и *coronaria*, *Herba Tunica*, *Viola Damascena*, *Ocellus Damascenui*, и *Barbaricus*. Некоторыми <цветок назывался> *Cantabrica Pliny*. Одни думают, что они <гвоздики> были неизвестны древним, другие принимают за них *Iphium* Теофраста <...> третьи – его *Dios anthos* или *Iovis flos...* (курсив источника. – В.П.); [21. Р. 314].

В качестве денотатов для вокабул Теофраста и Плиния предлагались и представители разных родов семейства Гвоздичные, такие как Зорька (*Lychnis*) [22. Без паг., s.v. *Diosanthos*] или Куколь (*Agrostemma*) [23. Р. 367 s.v. *DIOS ANTHOS* (Διὸς ἄνθος)].

Из вышеизложенного следует, что, во-первых, список долиннеевских «гвоздичных» имен можно длить бесконечно¹, во-вторых, «античные претенденты» на роль гвоздики относятся к протоботанической номенклатуре, а не общеупотребительному языку, и, главное, принятая интерпретация Διὸς ἄνθος Теофраста и *Flos Iovis* Плиния Старшего как слов со значением ‘цветок-гвоздика’ гадательна, по-

---

¹ Не имея возможности дальше углубляться в этот запутанный вопрос, отсылаю читателя к книге Эжена Роллана “*Flore populaire, ou Histoire naturelle des plantes <...>*” [20. Р. 10–32], где предпринята попытка собрать разные народные цветочные названия и термины «старых ботаников», относящиеся к разным растениям, в том числе рода *Dianthus*.

этому делать на ее основе какие бы то ни было заключения о месте гвоздики в Античности невозможно.

Связь древнегреческого Διὸς ἄνθος с гвоздиками окончательно утвердилась благодаря Линнею, предложившему переименовать весь род гвоздик (тогда Caryophylli) в Dianthus. В сочинении “Hortus Cliffortianus” («Сад Клиффорда», 1737) он обозначил необходимость избавления от омонимии в названиях ароматного дерева и рода цветов гвоздики (характерной и для современных языков, и для долинеевской ботаники; см. об этом в следующем разделе) и решил эту задачу с помощью введения в ботаническую номенклатуру нового наименования, а именно видоизмененного греческого фитонима. Линней так обосновал свое нововведение:

Имя Caryophylli – общее для двух родов, должно быть сохранено для ароматического и лекарственного дерева, и исключено <для цветка?>, с чем согласны <Иоганн Якоб> Диллениус и <Генрих Бернард> Рупп. Имя Tunica, введенное вместо Caryophylli, <мне> не нравится, поскольку <слово> tunica понимается простыми людьми как одежда, а врачами как телесная оболочка. Среди синонимов я не нахожу ничего подходящего, за исключением имени, данного, как считается, Теофрастом этому роду, названному им Flos Jovis или Dios Anthos; но раз Dios Anthos слишком трудно произнести, я для краткости говорю Dianthus¹ [24. P. 165].

Произвольность отнесения Διὸς ἄνθος к гвоздикам невольно была подчеркнута самим Линнеем, который позднее использовал его латинский аналог Flos Jovis в качестве имени для другого цветочного рода – агrostеммы (или куколя) [25. P. 436]², разделив таким образом одно античное понятие в его греческом и римском вариантах на два разных рода семейства Гвоздичные.

Такое ассоциативное использование древних названий в современной таксономии нужно отделять от исторических значений соответствующих слов, ведь прямое некритическое проецирование актуаль-

---

¹ Благодарю Паулу Руис за помощь в переводе этого фрагмента с латыни.

² Ср. соотнесение этого латинского названия с крокусом в [26. P. 451].

ной ботанической номенклатуры в прошлое приводит к серьезной путанице. Например, современные комментаторы античных памятников склонны указывать для Διός ἀνθος и Diosanthos соответствие Dianthus без каких-либо пояснений, что представляет собой как минимум натяжку¹. Опора на Линнея здесь антиисторична уже потому, что границы родов внутри семейства Гвоздичные, установленные в XVIII в. и тем более принятые сейчас, совершенно не соответствуют той протоклассификации растений, которую использовали древние авторы. Еще более важно то, что о гвоздике в действительности не имеется никаких точных письменных сведений вплоть до позднего Средневековья, не установлено ни древнегреческое, ни латинское название этого цветка, а все сообщения об античных садовых диантусах опираются на произвольные догадки и предположения. В этом отношении гвоздика отличается от множества трав и цветов (розы, гиацинта, лилии, нарцисса и пр.), для которых, без всяких сомнений, известны древние названия: они встречаются во множестве литературных и нелитературных текстов или даже фигурируют в мифологических сюжетах². Гвоздика, повторю, совсем не такова.

Конечно, представляет собой совершенную нелепицу и воспроизводящийся в разноязычной литературе «миф», мотивирующий латинское название цветов гвоздики именем богини Дианы (иногда с ложной ссылкой на «Метаморфозы» Овидия)³.

В завершение раздела – немного о гвоздике в материальной культуре. В качестве античных изображений, представляющих цветы рода Dianthus, называются фрагмент фрески из Кносского дворца (XV в. до

---

¹ В классических древнегреческих словарях статьи Διός ἀνθος нет, в них можно найти близкое по звучанию прилагательное διανθής [27. P. 364; 28. P. 16; 29. S.v. διανθής] со значениями 'в двойном цветении' ("double-flowering", "à double fleur"), 'с двойным цветком' ("que tiene doble flor") и 'цветущий подряд', 'цветущий разными оттенками' ("flowering in succession", "qui fleurit avec des nuances diverses...").

² См., например, статью «Растения» В.Н. Топорова в энциклопедии «Мифы народов мира» [30. С. 368–371] и другие статьи в этом издании (s. v. «Лилия», «Мак», «Роза»).

³ По-русски эта псевдолегенда красочно изложена в популярной книжке «Цветы в легендах и преданиях» Н.Ф. Золотницкого (1903) ([31] и множество переизданий), который, вероятно, переписал ее из какого-то западноевропейского источника.

н. э.), где, возможно, схематично представлен цветок, близкий *Dianthus arboeus*¹ [32. Р. 26; 33. Р. 84 и др.], а также два объекта на полтора тысячелетия младше из Помпей: настенная роспись и мозаика. На мозаике предполагаемая дикая красная гвоздика включена в цветочно-фруктовую гирлянду, которой увиты две театральные маски (Археологический музей Неаполя, инв. н. 9994). Роспись изображает цветок, птицу и кузнечика (Вилла Диомеда) и дошла до нас только в рисунке-копии Джузеппе Кьянтарелли, выполненном в начале XIX в. (Археологический музей Неаполя, инв. н. ADS1170). Это изображение особенно интересно, поскольку в нем исследователи видят не просто гвоздику, а садовую гвоздику [34. Р. 108–109]. Такая трактовка, за отсутствием каких бы то ни было других сведений о селекции гвоздики в древности, выглядит более чем рискованной, вероятно, ее следует признать анахронизмом. Тем более что беспорные гвоздики начинают появляться в декоре европейских средневековых манускриптов только после 1400 г., еще позже цветок становится предметом изображения итальянских и голландских живописцев. Само по себе это уверенно говорит о том, что гвоздика стала декоративным растением, вошла в моду и распространилась в Европе не раньше XIV–XV вв. С таким утверждением согласуются и лингвистические данные (см. следующий раздел).

1.2. Слова со значением 'гвоздика' в русском и современных европейских языках. Первые поэтические гвоздики в Европе

Слово *гвоздика* в русском языке служит не только собирательным именем для цветов, принадлежащих к множеству видов и сортов рода растений *Dianthus*, но и наименованием пряности, представляющей собой высушенные нераскрывшиеся бутоны гвоздичного дерева (*Syzygium aromaticum*²). Современные словари дают «цветочное» значение в качестве первого («душистый полевой и садовый цветок»), «пряное» – в качестве второго (с пометой «только ед.» или «собира.») [35. Стб. 546; 36. Стб. 51–52; 37. С. 302; 38. Стб. 28; 39. С. 95]. Обычно говорят, что цветы-

---

¹ Если это верно, то гвоздика не уступает розе, древнейшее изображение которой также было обнаружено на Крите в Кносском дворце.

² Синонимы: *Caryophyllum aromaticum*, *Eugenia aromatica*, *Eugenia caryophyllus* и др.

гвоздики (все представители рода или часть видов) имеют название, метафорически перенесенное с гвоздики-пряности.

В русских памятниках слово вроде *гвоздика* со значением ‘*Syzygium aromaticum*’ фиксируется впервые в «Хождении за три моря Афанасия Никитина» (1470-е гг.): «А родится в нем перечь... да гвоздники (по др. сп. гвозники)» [40. С. 14 s.v. гвоздники; гвоздига, гвоздикъ; 15 s.v. гвоздцы]. Использование слова для обозначения цветка зафиксировано позже: Словарь русского языка XI–XVII вв. документирует первое употребление *гвоздики* как ‘травянистого растения’ только в 1679 г. («Двѣ дюжины гвоздиков, двѣ дюжины нарцисов» [40. S.v. гвоздикъ]). Можно предполагать, что в России XVII в. садовые цветы рода *Dianthus* уже именовались *гвоздиками*, *гвозди́ками*, *гвоздичками*. Их полевые родственники, довольно многочисленные на территории Российской империи, звались *гвоздичками* в XVIII столетии [39. С. 95]¹, продолжая, вероятно, носить и свои просторечные имена (см. список в «Ботаническом словаре» Н. Анненкова: *зорька*, *зирочки*, *зоры*, *дикое мыло*, *смолка*, *травянка*, *травянец* и др. [42. С. 125])². В художественной литературе слова *гвоздика*, *гвоздичка* и подобные выходят за границы цветников и ими начинают описывать не сады, а пейзажи (обычно с добавлением прилагательного *полевой*) только в XIX в. Самый ранний известный нам пример такого употребления удалось обнаружить в сельской поэме поэта-крестьянина Ф.Н. Слепушкина «Четыре времени года русского поселянина» (глава «Лето»):

По рощамъ и густымъ лѣсамъ
Уже зардѣлась земляника,
По косогорамъ и полямъ
Ростеть душистая гвоздика³,
И незабудочки цветуть... [44. С. 23].

---

¹ См. украинскую народную обрядовую песню: «Убій мене въ чистомъ полѣ; / Ой якъ убешь, поховай мене! / Обсади мене тремя зельями: / Першимъ зельемъ – гвоздичками, / Другимъ зельемъ – васильками, / Третимъ зельемъ – стрѣлочками!» (Купальские) [41. С. 236].

² О фрагментарности словарных описаний русских фитонимов и общей лакунарности в исследовании этого лексического пласта недавно писала А.С. Кулева [43].

³ Здесь и далее в примерах курсив мой, если не отмечено иное.

В НКРЯ¹ можно найти более поздние примеры из русской прозы (И.С. Тургенев. «Бретер», 1847; Ф.М. Достоевский. «Маленький герой», 1857; Ю.В. Жадовская. «В стороне от большого света», 1857; И.С. Тургенев. «Перепелка», 1882).

«Иностраннный» характер гвоздики был прямо зафиксирован в Словаре Академии Российской, где сказано, что цветок «[р]остеть въ полуденной Европѣ» и культивируется садоводами. Автор словарной статьи специально отметил разнообразие гвоздичных сортов: «Любители цвѣтковь безконечное множество произвели отгѣнь махровыхъ [= махровых разновидностей] какъ въ разсужденіи пестроты цвѣтковь, такъ и въ разсужденіи величины ихъ» [38. Стб. 28]. В «Живописном обозрении» в заметке «Месторождение некоторыхъ плодов, трав и деревьевъ» родиной гвоздики-цветка названа Италия [45. С. 62].

По общему мнению этимологов, русское слово в совокупности его значений пришло в русский язык из польского² [47. С. 399; 48. С. 184; 49. С. 156–158 и др.]. В свою очередь, польское *goździk* калькировано из немецкого *Nelke* (совр. 1. ‘цветок’, 2. ‘пряность’). Вопрос о первоисточнике полисемии неминуемо возникнет у того, кто продолжит сравнение слов и значений в европейских языках. Он обнаружит, что русская *гвоздика* совершенно не уникальна – так же устроено значение слова, обозначающего род растений *Dianthus*, не только в польском и немецком, но и в большинстве европейских языков. См. слова со значением ‘гвоздь’, ‘гвоздик’ (и суффиксальные производные от них), тождественные названиям пряности *Syzygium aromaticum* и цветка *Dianthus*: исп. *clavel*, порт. *cravo*, катал. *clavell*, галис. *caravel*, нем. *Nelke* (с XV в.), пол. *g(w)oździk*, блр. *гваздзік(a)*, словен. *nagelj*, схрв. *klinčić*. Тут же обнаружится ряд общих наименований для пряности и цветка без компонента ‘гвоздь’: ит. *garofano*, *garofolo*, схрв. диал. *garòful*, ст.-фр. *gerofle*, ндрл. диал. *genoffel* и т.д. ([18. С. 65], в том числе классификация типов названий). Заметные исключения из внушительного списка – фр. *œillet* с внутренней формой ‘глазик, глазок’³ и английские *pink*, *carnation* и *gillyflower* (об этимологии и значениях см.: [18. С. 68–70]).

¹ Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>).

² См. интересную работу о «стереотипе гвоздики» в польском языке и культуре: [46].

³ Ср. анютины глазки (*Viola tricolor*).

Процесс распространения слова/слов со значением 'пряность *Syzygium aromaticum*' и 'цветы *Dianthus*' в европейских языках в их сложном взаимодействии и с учетом процессов межъязыкового заимствования и калькирования до недавнего времени не был детально описан. Это исправлено в книге М.В. Ослона «История слова *гвозди́ка*», где реконструируется более чем запутанная история развития лексем со значениями пряности и цветка [18]. В частности, исследование обстоятельно показывает, что семантический перенос 'пряность' → 'цветок' (в том числе через две ступени метафоризации по схеме «гвозди́ки → пряные гвозди́ки (*Syzygium aromaticum*) → пряные цветы-гвозди́ки (*Dianthus*)») не был реализован в пределах каждого языка с такой полисемией независимо, а является результатом копирования из одного из романских языков, вероятно, каталанского [18. С. 30–31, 64–65].

Первые бесспорные случаи упоминания слов для обозначения гвоздики-цветка фиксируются только с XIV–XV вв. (самый ранний относительно надежный относится к 1392 г.; см. обсуждение [18. С. 33]), после вероятного введения *Dianthus*'а в число садово-декоративных растений. Есть разные предположения, где именно появилась садовая форма гвоздики (в Италии, Турции или, по гипотезе Ослона, в арабской Испании¹; см. [18. С. 63–67; 50]), но для нас этот вопрос принципиального значения не имеет. Главное, ясно, что именно это событие выделило гвоздику в европейском культурном ландшафте и обеспечило ее постепенное вхождение в европейскую поэзию.

Рассмотрим кратко некоторые выразительные и важные для дальнейшего рассуждения примеры из разноязычной европейской поэзии.

1.2.1. Испания. Самые ранние упоминающие гвоздику-цветок стихотворные (и вообще литературные) строки из всех нам извест-

---

¹ Встречаются утверждения, что на Востоке гвоздику начали изображать раньше, чем в Европе. Видимо, это ошибка. Гвоздика стала модным элементом османского декоративного искусства лишь в середине XVI в., к этому времени относятся самые ранние образцы знаменитой изникской керамики с характерными цветочными, в том числе «гвоздичными» узорами.

ных принадлежат перу Иньиго Лопеса де Мендосы, маркиза Сантильяны, испанского поэта эпохи Возрождения [18. С. 33–34; 51. Р. 98–99]. В его третьем сонете (ок. 1439) в соответствии с традицией цветочных сравнений прекрасная дама уподобляется нашему цветку: «...e qual pareçe flor de clavellina / en los frescos jardines de Florençia, / vieron mis ojos en forma divina / la vuestra imagen e dina presençia...» (= и каким предстает цветок гвоздики / в прохладных садах Флоренции, / узрели мои очи в форме божественной / ваш образ и достойную фигуру [52. Р. 262]). Сонеты Сантильяны – первый опыт подражания Петрарке в Испании (отсюда и упоминание Флоренции), однако гвоздику испанский лирик не заимствовал у великого итальянца: Петрарка этот цветок не называет (см. в подразделе 1.2.2). Кроме Сантильяны, поэты испанского Возрождения, насколько известно, гвоздику не упоминали, но в барочной литературе *claveles* «приживаются» бесповоротно: в XVI–XVII вв. у Гонгоры, Кеведо и других это уже самый популярный поэтический цветок после розы [53. Р. 94, 234]. Значимость розы и гвоздики красноречиво засвидетельствована в заглавии популярной и уже не раз переиздававшейся антологии испанской поэзии “Entre el clavel y la rosa” (= Между гвоздикой и розой; первое издание [54]).

Если у поэтов Возрождения имена цветов появлялись в нескольких характерных ситуациях – описания возлюбленной (сравнения ее красоты с красотой цветка, кожи – с лилией, губ и щек – с розой, цветок в волосах как деталь портрета), пейзажи типа *locus amoenus*, картины рассвета, метафора мимолетной красоты (авсониевский топос *Collige, virgo, rosas...* близкий *carpe diem* и *memento mori*), то у поэтов барокко при общем сохранении этой системы употреблений происходит важная модификация: гвоздика присоединяется к классическому набору поэтических цветов (роза, лилия, жасмин, фиалка, гиацинт). Она набирает популярность, а место среди других растений обретает, «отбирая» у розы часть традиционных функций, точнее, разделяя их с ней. Гвоздика начинает прочно ассоциироваться с красным цветом и постепенно вытесняет из ярко-красного спектра розу, сдвигая ее палитру в сторону более бледного, собственно розового, цвета. Так, губы все чаще сравниваются именно с гвоздикой (у Гонгоры и Кеведо 8 и 6 примеров соответственно [53. Р. 242]), а щеки – с розой. Ср. строки Гонгоры: «...de tus mejillas, la rosa, / de tus

labios, el clavel» (= твоих щек роза, твоих губ гвоздика; “Vamos, Filis, al vergel”, 1619).

Сравнение, соположение двух цветов – общее место. См. строки песни из комедии Тирсо де Молины «Меланхолик» (“El melancólico”, 1611), которые часто публикуют в качестве отдельного лирического отрывка:

MÚSICOS

*Que el clavel y la rosa,
¿cuál era más hermosa?*

UNO

El clavel, lindo en color,
y la rosa, todo amor <...>

(= Музыканты: *Гвоздика или роза / Которая была красивее? / Один <голос>: Гвоздика, цветом прекрасная, / и роза, <которая> вся любовь <...>* (курсив источника. – В.П.); [55].

Так же, как и роза, гвоздика репрезентирует недолговечность молодости и красоты (см., например, CLXVI сонет Гонгоры, начинающийся строкой «Mientras por competir con tu cabello...» (= Пока состязаясь с твоими волосами... 1582)). XCV сонет Гонгоры “De una dama que, quitándose la sortija, se picó con un alfiler” (= О даме, которая, снимая кольцо, укололась булавкой, 1620) и CCCIII сонет Кеведо “A Aminta, que teniendo un clavel en la boca, por morderle, se mordió los labios y salió sangre” (= Аминте, которая, держа во рту гвоздику, укусила вместо нее губы, и пошла кровь; опубл. 1648) свидетельствуют о закреплении ассоциации гвоздики с кровью, которая характерна для розы и в ее случае подкреплена тем, что цветок имеет шипы. Гвоздика и/как пламень – еще одна традиционная для испанского барокко поэтическая тема. Это хорошо видно на примере начальных стихов в сильвах Франсиско де Рьехи «К гвоздике»¹ (“Al clavel”, первая половина XVII в.):

A ti, clavel ardiente,
invidia de la llama i de l’Aurora,

---

¹ См. и ср. другие знаменитые сильвы поэта: «К розе» (“A la rosa”), «К желтой розе» (“A la rosa amarilla”), «К жасмину» (“Al jazmín”).

miró al nacer más blandamente Flora:
color te dio ecelente
i del año las oras más süaves

(= На тебя, пылающая гвоздика, / зависть пламени и Авроры, / Флора при рождении взглянула нежнейше: / дала тебе превосходный цвет / и года самые мягкие часы [56. P. 209].

Свое уникальное положение в кругу цветочных образов испанской поэзии гвоздика сохранила и позднее: даже в народных песнях она уступает в употребительности одной лишь розе (см. подробнее об этом в разделе об «испанских гвоздиках» К.Д. Бальмонта).

1.2.2. Италия¹. В итальянской поэзии слово *гвоздика* (ит. *garofano*) обнаруживается довольно рано, поначалу в значении ‘пряность’: например, в знаменитом «Прении» Чело Д’Алькамо (*Cielo D’Alcamo*, “Contrasto”, между 1231 и 1250). Эту пряность упоминает также Данте («Ад» XXIX, 108). В неаполитанском народном куплете (около XIV в.) находим выражение *garofolato* ‘пряно пахнущий’: “Brunetta, ch’ ài le ruose alle mascielle, le labbre dello zucchero rosato, garofolate porti le mammelle ché oly più che non fa lo moscato <...>” (= Смуглянка, у тебя розы на щеках, губы – розовый сахар, а груди твои пахнут пряностью сильнее, чем мускатный орех (цит. по: [57])). Боккаччо упоминает гвоздичную пряность в «Амето» (1341–1342): «<...> imitante i garofani col suo odore <...>» (= запахом напоминающий гвоздику) и в «Декамероне» (день VIII, десятая новелла: *sapone garofanato* = гвоздичное мыло). В сонетах Петрарки (“Canzoniere” создавался во второй половине XIV в.) из цветов упоминаются только розы (сонеты 131, 146, 157 и др.) и фиалки (сонеты 162, 207, 352 и др.)².

Первое известное нам упоминание гвоздики-цветка в итальянской поэзии обнаруживается во «Влюбленном Роланде» Маттео Мария Боярдо (последняя четверть XV в.), причем цветочная деталь является частью знаменитого металитературного вступления к пятой

---

¹ Примеры, рассмотренные в подразделе, отобраны А.С. Белоусовой.

² Конкорданс к “Canzoniere” см.: <http://www.intratext.com/IXT/ITA1326/INDEX.HTM>

песни третьей книги. В нем Боярдо сравнивает свое произведение (в котором смешаны темы, жанры и стили) с букетом, собранным из самых разных цветов (lib III cant V, 1, vv. 1–4):

Colti ho diversi fiori ala verdura,
Azuri e gialli e candidi e vermigli;
Facta ho di vaghe herbe una mistura,
Garofili e viole e rose e zigli...

(= Собрал я на лугу разные цветы, / Синие, желтые, бело-
снежные и алые, / Сделал я из прекрасных растений смесь, /
Гвоздики, и фиалки, и розы, и лилии [58. P. 1690]).

Любопытно, что диалектные формы *garofilo/garofolo/garofalo*, которые использует Боярдо и другие итальянские авторы, не попали ни в одно издание словаря академии Делла Круска.

В трактате «Диалог о женской красоте» (“Dialogo delle bellezze delle donne”, 1541) Аньоло Фиренцуола упоминает «фиалки, которые многими из-за запаха зовутся гвоздиками» («Le viole che molti dall’odore chiaman gherofani...» [59. P. 78]). отождествить эти «фиалки» с нашими гвоздиками позволяет труд ботаника и медика Пьетро Андреа Маттиоли. В его книге, опубликованной впервые в 1544 г., имеется параграф, специально посвященный гвоздике-цветку, там же приведен рисунок «гвоздики домашней», на котором читатель с легкостью узнает современную гвоздику. Закончив описание гвоздичной пряности, ученый сообщает, что одноименные цветы, «насколько он знает», «не были знакомы древним», «хотя сегодня у нас они так известны, так обычны и приятны» (= Questi (che io sappia) non furono conosciuti da gli antichi, benchè hoggi appresso noi siano così celebri, uolgarì parimente & giocondi... [60. P. 326]).

В целом гвоздика в итальянской поэзии остается одним из многих цветков и не приобретает той специфической значимости, какую обнаруживает в поэзии Испании.

1.2.3. Франция. Во Франции XVI в. поэты помещают гвоздики в идиллический антикизированный пейзаж, вероятно, не зная об их культурной молодости. В самом знаменитом стихотворении Реми Бел-

ло «Апрель» (“Avril”, 1565) гвоздика соседствует в строке с лилией и розой: «L’aubépine, et l’égantин, / Et le thym, / L’œillet, le lys et les roses, / En cette belle saison, / A foison, / Montrent leurs robes écloses» (= Боярышник и шиповник, / И тимьян, / Гвоздика, лилия и розы, / В эту прекрасную пору / В изобилии, / Показывают свои распустившиеся платья [61. Р. 144–145]). Тот же порядок трав и цветов находим и в более раннем стихотворении Дю Белле (“Chant de l’Amour et du Printemps”, 1557): «Jamais n’y faille le thyn, / L’œillet, le lis, ny la rose, / Ny la fleur, qui au matin / Est ouverte, et au soir close» (= Пусть никогда там не будет недостатка тимьяна, / Гвоздики, лилии, ни розы, / Ни цветка, который утром / Распускается, а вечером закрывается [62. Р. 45]).

Множество гвоздик обнаруживается и в стихах Ронсара, у которого цветок тоже назван в ряду с лилией и розой: «...Le lis sauvage, et la rose, et l’œillet, / Le roux soucy, l’odorant serpouillet, / Le bleu glayeul, les hautes gantelées, / La pasquerette aux fueilles piolées, / La giroflée¹ et le passe-velours, / Et le narcis qui ne vit que deux jours...» (“Hylas”, 1569) (= Дикая лилия, и роза, и гвоздика, / Красная календула, благоуханный тимьян, / Голубой гладиолус, высокие колокольчики, / Маргаритка с пестрыми лепестками, / Желтофиоль и целозия, / И нарцисс, что живет лишь два дня [63. Р. 386]).

Вопрос об источниках «гвоздик Ронсара» заслуживает отдельного рассмотрения и был относительно недавно поставлен (но не разрешен) в статье Йосито Эмми [64]. Автор обратил внимание на то, что роза, лилия и гвоздика у Ронсара и Дю Белле составляют регулярное трио. Формульность и частота стихов, образованных перечислением трех этих цветков, заставили Эмми предположить, что поэты Плеяды имели какие-то латинские или другие источники и образцы. Вывод, к которому пришел исследователь, нас не удивит: было установлено, что древние авторы (Феокрит, Овидий, Вергилий), так же, как и Петрарка, называли в своих стихах многие цветы, но не упоминали гвоздик². Приобретенный французскими гвоздиками античный флер мы потом увидим и у русских поэтов.

¹ Родственно *girofle* ‘*Syzygium aromaticum*’

² В будущем следовало бы установить, на месте каких греческих и латинских лексем при переводе античных памятников французские переводчики ставили *œillets*. Возможно, тогда провенанс Ронсаровых гвоздик прояснится.

Заметим, что во французской поэзии, как и в итальянской, сравнительные обороты и метафоры с гвоздикой не имеют той распространенности, что в испанской традиции. Однако отдельные примеры гвоздичных метафор и сравнений найти можно. Например, у Дю Белле в сонете LXV (1550): «Ces cheveux d'or, ce front de marbre, & celle / *Bouche d'œillez*, & de liz toute pleine...» (= Эти золотые волосы, этот мраморный лоб и этот / гвоздичный рот, полный лилий [65. Р. 82]). А аббат Дю Перрон уподобляет рот одновременно гвоздикам и розам: «Adieu *bouche d'œillets & de roses vermeilles*, / Qui respirez sans cesse un Printemps gracieux...» (1622) (= Прощай, рот гвоздик и красных роз, / Что непрерывно вздыхает изящной весной [66. Р. 164]). Это стихотворение позднее не раз включалось в поэтические антологии.

1.2.4. Германия и Англия. История употребления слов со значением 'Dianthus' в немецкоязычной и английской поэзии требует дальнейшего изучения. Предварительно можно сказать, что гвоздика особенно не выделяется на фоне других цветов. Уникален фрагмент из «Зимней сказки» (1611) Шекспира, где гвоздики характеризуются неожиданным и больше нигде не встретившимся нам образом: в диалоге героинь Поликсены и Пердиты последняя говорит, что некоторые зовут наши цветы «ублюдками природы» (“nature’s bastards”) (IV, 3), то есть, вероятно, цветами, чья красота – триумф ботаники и селекции, а не природы как таковой [67]. У немецких романтиков гвоздика входит в число основных поэтических растений наряду с розами, лилиями, фиалками и появляется как в пейзажах, так и в портретах возлюбленной. Некоторые примеры таких употреблений даны далее при обсуждении русских переводов из немецкой поэзии.

1.3. Садовая история гвоздики в России

Садовая гвоздика в России была известна по крайней мере с XVII в. Согласно И.Е. Забелину, ее культивировали уже в царских цветниках: «Всѣ вообще верховые сады были разбиты на нѣсколько цвѣтников и грядъ <...> Изъ цвѣтовъ здесь росли піоны мохроватые <sic!> и сѣменные, коруны, тюльпаны, лилеи бѣлыя и желтыя, нар-

чица бѣлая, рожи <sic!> алые, цвѣты вѣнцы, мымрись, орликъ, *гвоздика душистая и репейчатая* <...> которые росли не только въ Кремлевскихъ, но и въ загородныхъ царскихъ садахъ» [68. С. 102]. Гвоздика была среди растений, закупаемых в Голландии Цветочной конторой Петра I, отмечают ее размещение в цветочных партерах вблизи петровских дворцов в Прибалтике. В саду Александершанца в Риге «...были высажены пионы, белые и желтые нарциссы, тюльпаны, ночная красавица, лилии, *махровая голландская гвоздика*, а вместе с ними такие травы, как мелиса, иссоп, шалфей, майоран, базилика» [69. С. 42]. В таллинском Екатеринентале (Кадрiorг) «центральное положение в Нижнем саду занимал большой декоративный водоем весьма сложной конфигурации, характерной для стиля барокко. Его окружали партеры, где росли тюльпаны, пионы, нарциссы, *гвоздика*» [69. С. 64].

В XVIII в. цветок уже совершенно обосновался в русских садах. В ботанических справочниках и разного рода указателях, активно печатавшихся ближе к концу столетия, гвоздике посвящаются подробные статьи, рассказывающие о разнообразии сортов этого «произрастения» и правилах ухода за ним. «Ботанической подробной словарь, или травник» (1781) А.К. Мейера дает список гвоздик, известных под изысканными французскими наименованиями Belle rose, Le Chevalier, Cleopatre, Minerve и др. [70. Стб. 134–139]. В.А. Левшин в «Словаре ручном натуральной истории» (1788) отмечал, что «<i>мена, Гвоздикамъ даваемая садовниками, безчисленны, такъ какъ и роды оныхъ, и зависятъ отъ воображенія цвѣтолюбителей» [71. С. 93].

Уникальный документ, дающий представление о распространенности и разнообразии гвоздик в России конца столетия, – «Каталог растениям по алфавиту <...> в Москве в саду действительного статского советника Прокофья Демидова», изданный в 1786 г., – перечисляет 52 гвоздичных сорта. Все они фигурируют в списке под латинскими именами, переведенными в кириллицу, а для *Диантуса барбатуса* и *Диантуса кариофиллуса* даны синонимы *гвоздика турецкая* и *гвоздика садовая* соответственно [72. С. 122–129, 125, 122]. «Новой и совершенной русский садовник» Н.П. Осипова (1790) подробно рассказывает читателям, как гвоздику разводить, оберегать от морозов, болезней и пр. [73. С. 153–157]. Дает свод правил ухода за декоративным расте-

нием и замечательная статья «Подробного словаря увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства <...>» (1792) Николая Иванова. «Гвоздики почитаются по справедливости самыми лучшими цвѣтами, какъ въ разсужденіи отмѣнно пріятнаго запаха, такъ красоты и разновидности оныхъ цвѣтовъ», – пишет среди прочего автор [74. С. 138]. Все это – свидетельство популярности гвоздики в быту.

Список литературы

1. Кузмин М. Стихотворения. СПб. : Академический проект, 1996. 832 с.
2. Греческая эпиграмма. М. : ГИХЛ, 1960. 487 с.
3. Античный роман. М. : Наука, 1969. 405 с.
4. Алексеев М.П. Споры о стихотворении «Роза» // Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л. : Наука, 1972. С. 326–377.
5. Мазур Н.Н. Еще раз о деве-розе (в связи со стихотворением Баратынского «Еще как патриарх не древен я...») // Пушкинские чтения в Тарту. Вып. 4: Пушкинская эпоха: проблемы рефлексии и комментария. Тарту : Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. С. 345–378.
6. Пеньковский А.Б. Исследования поэтического языка пушкинской эпохи. М. : Знак, 2012. 660 с.
7. Веселовский А.Н. Из поэтики розы (1898) // Избранные статьи. Л. : ГИХЛ, 1939. С. 132–139.
8. Белоусов А. Акклиматизация сирени в русской поэзии // Lotman-70: сб. статей к 70-летию профессора Ю.М. Лотмана. Тарту : Тартус. Ун-т, 1992. С. 311–322.
9. Эштейн М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М. : Высшая школа, 1990. 302 с.
10. Valente L.M., Savolainen V., Vargas P. Unparalleled rates of species diversification in Europe // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2010. Vol. 277. Issue 1687. P. 1489–1496.
11. Феофраст. Исследование о растениях. М. ; Л. : АН СССР, 1951. 591 с.
12. Simon Online: [Collaborative edition of Simon of Genoa's *clavis sanationis*, a medical dictionary from the late 13th century]. URL: http://www.simonofgenoa.org/index.php?title=Iovis_flos
13. Flora Symbolica or, The Language and Sentiment of Flowers, including floral poetry, original and selected by J. Ingram. London : F. W. Warne and co., 1869. 368 p.
14. Heilmeyer M. The Language of Flowers: Symbols and Myths. Munich : Prestel, 2001. 95 p.
15. Way T. Carnation. London : Reaktion Books, 2016. 224 p.
16. Schneider O. Nicandri fragment. Georgic II Schn. // Philologus: Zeitschrift für antike Literatur und ihre Rezeption. 1853. Bd. 8. S. 529–547.

17. Nonni Panopolitani Dionysiacorum libri XLVIII, recensuit et praefatus est A. Koechly, accedit index nominum a F. Spirone confectus. Lipsiae : B.G. Teubner, 1858. Vol. II. (Corpus Poetarum Epicorum Graecorum; vol. XVII). 509 S.

18. *Ослон М.В.* История слова гвоздика: [препринт]. 2021 URL: www.rromanes.org/pub/Oslon/Ослон М.В. История слова гвоздика.pdf 92 с.

19. *Anguillara L.* Semplici, liquali in piu pareri a diversi nobili huomini scritti apparono, et nuovamente da M. Giovanni Marinello mandati in luce. Venezia : Vincenzo Valgrisi, 1561. 304 p.

20. *Rolland E.* Flore populaire ou Histoire naturelle des plantes dans leurs rapports avec la linguistique et le folklore. Paris : Librairie Rolland, 1900. T. III. 384 p.

21. *Parkinson J.* Paradisi in Sole Paradisus Terrestris <...>. London : Humfrey Lownes and Robert Young, 1629. 612 p.

22. Dictionarium Botanicum: Or, a Botanical Dictionary for the Use of the Curious in Husbandry and Gardening, by R. Bradley. London : printed by Samuel Aris for T. Woodward, and J. Peele, 1728. Vol. I. 464 p.

23. *Smith W.* A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. New York : American book company, 1843. 1124 p.

24. *Linnæus C.* Hortus Cliffortianus plantas exhibens quas in hortis tam vivis quam siccis, Hartecampi in Hollandia, coluit <...> Georgius Clifford <...> reductis varietatibus ad species, speciebus ad genera, generibus ad classes, adjectis locis plantarum natalibus differentiisque specierum. Amstelædami : [s.n.], 1737. 519 p.

25. *Linnæi C.* Species plantarum exhibentes plantas rite cognitatas ad genera relatas, cum differentiis specificis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, locis natalibus, secundum systema sexuale digestas. Holmiæ : Impensis Laurentii Salvii, 1753. Vol. I. 572 p.

26. A new Medical Dictionary; or general Repository of Physic <...> by G. Motherby, M. D. The fourth edition: revised and corrected, with considerable additions by G. Wallis, M. D. London : printed for J. Johnson, 1795. 739 p.

27. A Greek-English lexicon, compiled by H.G. Liddell and R. Scott, 6h ed., rev. and augm. Oxford : Clarendon press, 1869. 1865 p.

28. *Bailly A.* Dictionnaire grec-français, édition revue par L. Séchan et P. Chantraine. Paris : Hachette, 1950. 2200 p.

29. *Diccionario Griego-Español en línea:* [edición digital] / Coordinador general de la obra F.R. Adrados. URL: <http://dge.cchs.csic.es/xdge/>

30. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. М. : Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. 719 с.

31. *Золотницкий Н.Ф.* Цветы в легендах и преданиях. СПб. : Изд. А.Ф. Девриена, 1903. 297 с.

32. *Petrakis J.* The Needle Arts of Greece: Design and Techniques. New York : Scribner, 1977. 175 p.

33. *Baumann H.* The Greek Plant World in Myth, Art, and Literature. Portland (Oregon) : Timber press, 1993. 252 p.

34. *Jashemsky W.F., Meyer F.G., Ricciardi M.* Plants: Evidence from Wall Paintings, Mosaics, Sculpture, Plant Remains, Graffiti, Inscriptions, and Ancient Authors // *The Natural History of Pompeii* / ed. by W.F. Jashemsky, F.G. Meyer. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2002. P. 80–180.

35. Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Гос. ин-т «Сов. энциклопедия»; ОГИЗ, 1935. Т. 1. 1562 стб.

36. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л. : АН СССР, 1954. Т. 3. 1340 с.

37. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М. : Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с.

38. Словарь Академии Российской. СПб. : Имп. Акад. наук, 1790. Ч. II. 1140 стлб.

39. Словарь русского языка XVIII века. Л. : Наука, 1989. Вып. 5. 256 с.

40. Словарь русского языка XI–XVII веков. М. : Наука, 1977. Вып. 4. 403 с.

41. *Сахаров И.П.* Песни русского народа. СПб. : Тип. Сахарова, 1839 (на обл. 1838). Ч. 4. 494 с.

42. *Анненков Н.И.* Ботанический словарь : Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей, дрогистов, путешественников по России и вообще сельских жителей. СПб. : Имп. Акад. наук, 1878. 646 с.

43. *Кулева А.С.* О названиях растений в лингвистической перспективе: «Растения Средиземья», словари и переводы // *Вопросы языкознания*. 2020. № 5. С. 115–131.

44. *Слепушкин Ф.Н.* Четыре времени года русского поселянина: Сельская поэма. СПб. : Деп. внеш. торг., 1830. 80 с.

45. Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития <...> издаваемое Августом Семеном. 1837. Ч. III.

46. *Непон-Айдачич Л.В.* Стереотип гвоздики в польском языке и культуре // *Этноботаника: растения в языке и культуре*. СПб. : ИЛИ РАН, 2010. С. 267–293.

47. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд., стереотип. М. : Прогресс, 1986. Т. 1. 573 с.

48. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стереотип. М. : Русский язык, 1999. Т. 1. 624 с.

49. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. М. : Нестор-История, 2016. Вып. 10. 368 с.

50. *Harvey J.H.* Gilliflower and Carnation // *Garden History*. 1978. Vol. 6, № 1 (Spring). P. 46–57.

51. *Corominas J.* (con la colaboración de J. A. Pascual). Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. Madrid : Gredos, 1984. Vol. II. 985 p.

52. *Marqués de Santillana* (López de Mendoza I.). *Poesías completas*. Madrid : Alhambra, 1983. 300 p.

53. *Peña Álvarez J. de la*. Flores en la poesía española del Renacimiento y Barroco: Memoria para optar al grado de doctor. Universidad Complutense de Madrid. Facultad de filología. Madrid, 2010. 507 p. URL: <https://eprints.ucm.es/10139/1/T31436.pdf>
54. *Plaza J.M.* Entre el clavel y la rosa: Antología de poesía Española. Madrid: Espasa, 1998. 306 p.
55. *Tirso de Molina*. El melancólico. Madrid : Aguilar, 1968. URL: <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc08653>
56. *Francisco de Rioja*. Madrid : Cátedra, 1984. 256 p.
57. Corpus della poesia lirica italiana delle origini: Dagli inizi al 1400 / A cura di L. Leonardi, e di A. Decaria, P. Larson, G. Marrani, P. Squillacioti. URL: <http://lirioweb.ovi.cnr.it/>
58. *Boiardo M.M.* Opere. Vol. I. T. II: L'Inamoramento de Orlando / ed. critica a cura di A. Tissoni Benvenuti e C. Montagnani, introduzione e commento di A. Tissoni Benvenuti. Milano, Napoli : Ricciardi, 2000. 797–1934 p.
59. *Firenzuola A.* Opere. Milano : Società tip. de'Classici italiani, 1802. Vol. I. 238 p.
60. *Matthioli P.A.* I Discorsi nei sei libri di Pedacio Dioscoride Anazarbeo. Venetia : Vincenzo Valgrisi, 1559. 804 p.
61. *Belleau R.* Livre D'or de Remy Belleau. Genève : Slatkine Reprints, 1969. 317 p.
62. *Du Bellay J.* Divers jeux rustiques / ed. par V.L. Saulnier, nouvelle éd. augm. Genève; Droz, Paris : Minard, 1965. 232 p.
63. *Ronsard P. de.* Œuvres completes. Paris : Gallimard, 1950. Vol. II. 1203 p.
64. *Emmi Y.* "Oeillet": l'origine du mot et quelques remarques sur son utilisation de la Renaissance au dix-huitième siècle // フランス文学 [Furansu bungaku]. 2013. Vol. 29. P. 1–16 URL: https://ir.lib.hiroshima-u.ac.jp/files/public/4/41135/20160906141936414287/FranceBungaku_29_1.pdf
65. *Du Bellay J.* Œuvres poétiques. Paris : E. Cornély, 1908. Vol. I: Recueils de sonnets, édition critique publiée par H. Chamard. 152 p.
66. Recueil des plus belles pièces des poètes françois, tant Anciens que Modernes, depuis Villon jusqu'à M. de Benserade. Amsterdam : Claude Barbin, 1692. T. II. 386 p.
67. *Scholl J.W.* The Gardener's Art in The Winter's Tale // Modern Language Notes. 1912. Vol. 27. № 6. P. 176–178.
68. *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. 4-е изд. с доп., М. : А.Д. Ступин, 1918. Ч. 1. 792 с.
69. *Верунов А.П., Горохов В.А.* Русские сады и парки. М. : Наука, 1988. 412 с.
70. *Мейер А.К.* Ботанической подробной словарь, или травник. М. : Унив. тип., у Н. Новикова, 1783. Ч. 2. 608 стлб.
71. *Леклерк де Монлино Ш.А.Ж.* Словарь ручной натуральной истории / пер. с франц. языка с дополнениями из лучших авторов и вещей нужных для России В. Левшиным. М. : Тип. компании типографической, 1788. 321 с.
72. Каталог растениям по алфавиту <...> в Москве в саду действительного статского советника Прокофья Демидова. М. : Ф. Гиппиус, 1786. 469 с.

73. Осипов Н.П. Новой и совершенной русский садовник. СПб. : Имп. тип. 1790. Ч. I. 218 с.

74. Иванов Н. Подробный словарь увеселительного, ботанического и хозяйственного садоводства <...>. СПб. : Имп. тип., 1792. Ч. I. 198 с.

References

1. Kuzmin, M. (1996) *Stikhotvoreniya* [Poems]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
2. Petrovsky, F. (1960) *Grecheskaya epigrama* [Greek Epigrams]. Translated from Ancient Greek by Yu.F. Sjults et al. Mosvov: GIKhL.
3. Grabar-Passek, M.E. (ed) (1969) *Antichnyy roman* [The Ancient Greek Novel]. Moscow: Nauka.
4. Alekseev, M.P. (1972) *Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya* [Pushkin: Comparative Historical Studies]. Leningrad: Nauka. pp. 326–377.
5. Mazur, N.N. (2007) Eshche raz o deve-roze (v svyazi so stikhotvoreniem Baratynskogo “Eshche kak patriarkh ne drevn ya...”) [The maiden-rose revisited (in connection with Baratynsky’s poem “I am not yet ancient as a patriarch ...”).]. In: Kiseleva, L. (ed.) *Pushkinskie chteniya v Tartu. Vyp. 4: Pushkinskaya epokha: problemy refleksii i kommentariya* [The Pushkin Readings in Tartu. Issue. 4: The Pushkin Era: Problems of Reflection and Commentary]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus. pp. 345–378.
6. Penkovskiy, A.B. (2012) *Issledovaniya poeticheskogo yazyka pushkinskoy epokhi* [Studies of the Poetic Language of the Pushkin Era]. Moscow: Znak.
7. Veselovskiy, A.N. (1939) *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]. Leningrad: GIKhL. pp. 132–139.
8. Belousov, A. (1992) Akklimatizatsiya sireni v russkoy poezii [The lilac acclimatization in Russian poetry]. In: Permyakov, E. (ed.) *Lotman–70: Sbornik statey k 70-letiyu professora Yu.M. Lotmana* [Lotman–70: collected articles for the 70th anniversary of Professor Yu.M. Lotman]. Tartu: Tartu University. pp. 311–322.
9. Epstein, M.N. (1990) “*Priroda, mir, taynik vselennoy...*”: *Sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii* [“Nature, World, the Secret of the Universe...”: The system of Landscape Images in Russian Poetry]. Moscow: Vysshaya shkola.
10. Valente, L.M., Savolainen, V. & Vargas, P. (2010) Unparalleled rates of species diversification in Europe. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. 277(1687). pp. 1489–1496. DOI: 10.1098/rspb.2009.2163
11. Theophrastus. (1951) *Issledovanie o rasteniyakh* [Enquiry into Plants]. Translated from Ancient Greek by M.E. Sergeenko. Moscow; Leningrad: USSR AS.
12. Simon of Genoa. (n.d.) *Simon Online: [Collaborative edition of Simon of Genoa’s clavis sanationis, a medical dictionary from the late 13th century]*. [Online] Available from: http://www.simonofgenoa.org/index.php?title=lovis_flos
13. Ingram, J. (1869) *Flora Symbolica or, The Language and Sentiment of Flowers, including floral poetry, original and selected by J. Ingram*. London: F. W. Warne and co.

14. Heilmeyer, M. (2001) *The Language of Flowers: Symbols and Myths*. Munich: Prestel.
15. Way, T. (2016) *Carnation*. London: Reaktion Books.
16. Schneider, O. (1853) Nicandri fragment. *Georgic II Schn. Philologus: Zeitschrift für antike Literatur und ihre Rezeption*. 8. pp. 529–547.
17. Koechly, A. (ed.) (1858) *Nonni Panopolitani Dionysiacorum libri XLVIII, recensuit et praefatus est A. Koechly, accedit index nominum a F. Spirone confectus*. Vol. 2. Lipsiae: B.G. Teubner.
18. Osłon, M.V. (2021) *Istoriya slova gvozdika* [The history of the word “gvozdika”]. [Preprint]. [Online] Available from: [www.rromanes.org/pub/Osłon/Osłon M.V. Istoriya slova gvozdika.pdf](http://www.rromanes.org/pub/Osłon/Osłon%20M.V.%20Istoriya%20slova%20gvozdika.pdf) 92 s.
19. Anguillara, L. (1561) *Semplici, liquali in piu pareri a diversi nobili huomini scritti apparono, et nuovamente da M. Giovanni Marinello mandati in luce*. Venezia: Vincenzo Valgrisi.
20. Rolland, E. (1900) *Flore populaire ou Histoire naturelle des plantes dans leurs rapports avec la linguistique et le folklore*. Vol. 3. Paris: Librairie Rolland.
21. Parkinson, J. (1692) *Paradisi in Sole Paradisus Terrestris <...>*. London: Humfrey Lownes and Robert Young.
22. Bradley, R. (ed.) (1782) *Dictionarium Botanicum: Or, a Botanical Dictionary for the Use of the Curious in Husbandry and Gardening*. Vol. 1. London: printed by Samuel Aris for T. Woodward, and J. Peele.
23. Smith, W. (1843) *A Dictionary of Greek and Roman Antiquities*. New York: American Book Company.
24. Linnæus, C. (1737) *Hortus Cliffortianus plantas exhibens quas in hortis tam vivis quam siccis, Hartecampi in Hollandia, coluit <...> Georgius Clifford <...>, reductis varietatibus ad species, speciebus ad genera, generibus ad classes, adjectis locis plantarum natalibus differentiisque specierum*. Amstelædami: [s.n.].
25. Linnæi, C. (1753) *Species plantarum exhibentes plantas rite cognitatas ad genera relatas, cum differentiis specificis, nominibus trivialibus, synonymis selectis, locis natalibus, secundum systema sexuale digestas*. Vol. 1. Holmiæ: Impensis Laurentii Salvii.
26. Motherby, G. (1795) *A new Medical Dictionary; or general Repository of Physic <...>, by G. Motherby, M.D.* The 4th ed. Revised and corrected, with considerable additions by G. Wallis, M.D. London: printed for J. Johnso.
27. Liddell, H.G. & Scott, R. (1869) *A Greek-English Lexicon*. 6th ed. Oxford: Clarendon press.
28. Bailly, A. (1950) *Dictionnaire grec-français*. Paris: Hachette.
29. Adrados, F.R. (ed.) (n.d.) *Diccionario Griego-Español en línea*. [Online] Available from: <http://dge.cchs.csic.es/xdge/>
30. Tokarev, S.A. (ed.) (1988) *Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
31. Zolotnitskiy, N.F. (1903) *Tsvety v legendakh i predaniyakh* [Flowers in Legends and Traditions]. St. Petersburg: A.F. Devrien.

32. Petrakis, J. (1977) *The Needle Arts of Greece: Design and Techniques*. New York: Scribner.

33. Baumann, H. (1993) *The Greek Plant World in Myth, Art, and Literature*. Portland (Oregon): Timber press.

34. Jashemsky, W.F., Meyer, F.G. & Ricciardi, M. (2002) Plants: Evidence from Wall Paintings, Mosaics, Sculpture, Plant Remains, Graffiti, Inscriptions, and Ancient Authors. In: Jashemsky, W.F. & Meyer, F.G. (eds) *The Natural History of Pompeii*. Cambridge, New York: Cambridge University Press. pp. 80–180.

35. Ushakov, D.N. (ed.) (1935) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [An Explanatory Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.

36. Chernyshev, V.I. (ed.) (1954) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language]. Vol. 3. Moscow; Leningrad: USSR AS.

37. Evgenieva, A.P. (ed.) (1999) *Slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. 4th ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk; Poligrafresursy.

38. Imperial Academy of Science. (1790) *Slovar' Akademii Rossiyskoy* [Dictionary of the Russian Academy]. Vol. 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Science.

39. Sorokin, Yu.S. (ed.) (1989) *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Leningrad: Nauka.

40. Barkhudarov, S.G. & Bogatova, G.A. (eds) (1977) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vekov* [Dictionary of the Russian language of the 11th – 17th centuries]. Moscow: Nauka.

41. Sakharov, I.P. (1839) *Pesni russkogo naroda* [Songs of the Russian people]. Vol. 4. St. Petersburg: Tip. Sakharova.

42. Annenkov, N.I. (1878) *Botanicheskiy slovar': Spravochnaya kniga dlya botanikov, sel'skikh khozyaev, sadovodov, lesovodov, farmatsevtov, vrachey, drogistov, puteshestvennikov po Rossii i voobshche sel'skikh zhiteley* [Botanical Dictionary: A Reference Book for Botanists, Farmers, Gardeners, Foresters, Pharmacists, Doctors, Drogists, Travelers in Russia and Rural Residents in General]. St. Petersburg: Imperial Academy of Science.

43. Kuleva, A.S. (2020) Plant names in the linguistic perspective: Flora of Middle-Earth, dictionaries, and translations. *Voprosy yazykoznaniiya – Topics in the Study of Language*. 5. pp. 115–131. (In Russian). DOI: 10.31857/0373-658X.2020.5.115-131

44. Slepushkin, F.N. (1830) *Chetyre vremeni goda russkogo poselyanina: Sel'skaya poema* [Four Seasons of a Russian Peasant: A Rural Poem]. St. Petersburg: Department of Foreign Trade.

45. Golitsyn, D.V. (1837) *Zhivopisnoe obozrenie dostopamyatnykh predmetov iz nauk, iskusstv, khudozhestv, promyshlennosti i obshchezhitiya <...> izdavaemoe Avgustom Semenom* [A picturesque review of memorable objects from the sciences,

arts, arts, industry and community <...> published by August Semyon]. Part III. St. Petersburg: August Semyon.

46. Npop-Aydachich, L.V. (2010) Stereotip гвозdiki v pol'skom yazyke i kul'ture [The carnation stereotype in Polish language and culture]. In: Kolosova, V.B. & Ippolitova, A.B. (eds) *Etnobotanika: rasteniya v yazyke i kul'ture* [Ethnobotany: plants in language and culture]. St. Petersburg: RAS. pp. 267–293.

47. Fasmer, M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Progress.

48. Chernykh, P.Ya. (1999) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. 3rd ed. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.

49. Anikin, A.E. (2016) *Russkiy etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary]. Moscow: Nestor-Istoriya.

50. Harvey, J.H. (1978) Gilliflower and Carnation. *Garden History*. 6(1), pp. 46–57.

51. Corominas, J. (con la colaboración de J. A. Pascual). (1984) *Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico*. Vol. 2. Madrid: Gredos.

52. Marqués de Santillana (López de Mendoza, I.). (1983) *Poesías completas*. Madrid: Alhambra.

53. Peña Álvarez, J. de la. (2010) *Flores en la poesía española del Renacimiento y Barroco: Memoria para optar al grado de doctor*. Universidad Complutense de Madrid. Facultad de filología. Madrid. [Online] Available from: <https://eprints.ucm.es/10139/1/T31436.pdf>

54. Plaza, J.M. (1998) *Entre el clavel y la rosa: Antología de poesía Española*. Madrid: Espasa.

55. Tirso de Molina. (1968) *El melancólico*. Madrid: Aguilar. [Online] Available from: <http://www.cervantesvirtual.com/nd/ark:/59851/bmc08653>

56. Francisco de Rioja. (1984) *Poesía*. Madrid: Cátedra.

57. Leonardi, L., Decaria, di A., Larson, P., Marrani, G. & Squillacioti, P. (n.d.) *Corpus della poesia lirica italiana delle origini: Dagli inizi al 1400*. [Online] Available from: <http://lirioweb.ovi.cnr.it/>

58. Boiardo, M.M. (2000) *Opere*. Vol. 1(2). Milano, Napoli: Ricciardi.

59. Firenzuola, A. (1802) *Opere*. Vol. 1. Milano: Società tip. de'Classici italiani.

60. Matthioli, P.A. (1559) *I Discorsi nei sei libri di Pedacio Dioscoride Anazarbeo*. Venetia: Vincenzo Valgrisi.

61. Belleau, R. (1969) *Livre D'or de Remy Belleau*. Genève: Slatkine Reprints.

62. Du Bellay, J. (1965) *Divers jeux rustiques*. Genève: Droz; Paris: Minard.

63. Ronsard, P. de. (1950) *Œuvres complètes*. Vol. 2. Paris: Gallimard.

64. Emmi, Y. (2013) “Oeillet”: l'origine du mot et quelques remarques sur son utilisation de la Renaissance au dix-huitième siècle. // フランス文学 [Furansu bungaku]. 29. pp. 1–16 [Online] Available from: https://ir.lib.hiroshima-u.ac.jp/files/public/4/41135/20160906141936414287/FranceBungaku_29_1.pdf

65. Du Bellay, J. (1908) *Œuvres poétiques*. Vol. 1. Paris: E. Cornély.
66. Villon et al. (1692) *Recueil des plus belles pièces des poètes françois, tant Anciens que Modernes, depuis Villon jusqu'à M. de Benserade*. Vol. 2. Amsterdam: Claude Barbin.
67. Scholl, J.W. (1912) The Gardener's Art in The Winter's Tale. *Modern Language Notes*. 27(6). pp. 176–178.
68. Zabelin, I.E. (1918) *Domashniy byt russkogo naroda v XVI i XVII st.* [Home life of the Russian people in the 16th and 17th centuries]. 4th ed. Moscow: A.D. Stupin.
69. Vergunov, A.P. & Gorokhov, V.A. (1988) *Russkie sady i parki* [Russian Gardens and Parks]. Moscow: Nauka.
70. Meyer, A.K. (1783) *Botanicheskoy podrobnoy slovar', ili travnik* [Botanical Detailed Dictionary, or Herbalist]. Part 2. Moscow: Univ. tip., u N. Novikova.
71. Leclerc de Monlino, S.A.J. (1788) *Slovar' ruchnoy natural'noy istorii* [Dictionary of Manual Natural History]. Translated from French by V. Levshin. Moscow: Tip. kompanii tipograficheskoy.
72. Pallas, P.S. (1786) *Katalog rasteniyam po alfavitu <...> v Moskve v sadu deystvitel'nogo statskogo sovetnika Prokof'ya Demidova* [The Alphabetical Catalogue of Plants <...> in Moscow in the Garden of the Active State Councillor Prokofy Demidov]. Moscow: F. Gippius.
73. Osipov, N.P. (1790) *Novoy i sovershennoy russkiy sadovnik* [A New and Perfect Russian Gardener]. Part 1. St. Petersburg: Imp. tip.
74. Ivanov, N. (1792) *Podrobnyy slovar' uveselitel'nogo, botanicheskogo i khozyaystvennogo sadovodstva <...>* [A detailed dictionary of recreational, botanical and economic gardening]. Part 1. St. Petersburg: Imp. tip.

Информация об авторе:

Полилова В.С. – канд. филол. наук, старший научный сотрудник отдела русской культуры Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: vera.polilova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.S. Polilova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: vera.polilova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья принята к публикации 02.03.2022.

The article was accepted for publication 02.03.2022.